

к 1348945

Патріяна Жмайло
Азбука дождя

Татьяна Жмайло

Азбука дождя

Лирика

Череповец, 2004

© Жмайло Т. В. Азбука дождя. Лирика
© Тайганова Т. Э. Иллюстрации

Содержание:

<i>Азбука дождя</i>	5
<i>Возвращение</i>	27
<i>Разорван повседневный круг</i>	45
<i>Пробинция</i>	69
<i>Заоблачные жители</i>	85
<i>Мой сад летящий</i>	111
<i>Стихи к Марине</i>	119

У этой музыки цвет осенний —
холодной ржавчины,
меди теплой.

У этой музыки звук просеянный —
дождя сквозь сито
в пустые стекла.

У этой музыки звук с кислинкой,
на переходе от «ми» до «ля».

У этой музыки — автор Глинка,
а может — Моцарт,
а может — я.

Азбука
дождя

Лилит

От разлук не сходят с ума.
Уходи, мой друг, налегке.
Я плечу твоему сума,
крепкий посох твоей руке.

Сбросишь сумку — ненужный груз,
пепел писем в глаза метет.
Упирается посох в грудь
револьвером меж двух пустот.

Двух бездонных, где сам ты был.
За огляд — соляные столбы...

Из пустот не кровь — пустота,
и сочится не медом из сот.
Засосет сквозь зрачки в никуда,
в никуда с собой унесет.

Лечит пепел, с тех самых пор,
как зажжен был первый костер.

Жги, пали, раздувай огонь!
Пей огонь, пусть нутро горит!
Заполняй пустоту другой,
все равно и она — Лилит,
станет мной, не зная сама.

Я — плечу твоему сума,
крепкий посох твоей руке.
Уходи, мой друг, налегке...

Он и она

Он говорил: я пуст и я безволен.
Она шептала: я тобой полна...
Он говорил: я болен, болен, болен...
Она шептала: я тобой больна.

На жаркий лоб ладони опускала,
как птица, берегущая птенцов,
крыла. И что-то трепетно искала,
исследуя любимое лицо.

И, отыскав какую-нибудь малость,
от радости смеялась, как дитя,
и плакала минутою спустя,
выплакивая радость и усталость.

Взлетали галки с черных колоколен,
Чертя крылом, чернили небеса.
Он говорил — я болен, болен, болен...
Она в ответ — бывают чудеса.

И ночь, длинною в десять или двадцать
ночей, на канареечный приют
упала — не добиться, не дозваться.
В такие ночи птицы не поют.

И вслушиваясь в трудное дыханье,
и вглядываясь в полнолунный бред,
она шептала как молитву — встанешь!
А он в ответ — без слов, губами — нет.

Они очнулись. Плыл рассвет над полем,
гудели пчелы в розовых кустах.
И он воскликнул — я тобою полон!
Она вздохнула — я тобой пуста...

Азбука дождя

(проза в стихах)

1.

Наверное, за тридевять земель
вкусней и слаще мед. Пьянее хмель,
чернее карандашный тонкий штрих.
Ты помнишь наши зимы? Ровно три,
похожи друг на друга как одна.
Привычный вид на крыши из окна,
под Рождество — ангина, водка, мед.
И карандаш, законодатель мод
от прошлого до будущего лета...
Мои друзья, твои подруги...
Эта, что с рыжею косою до бедра,
любившая звонить тебе с утра,
как говорят, все так же любит утро
и чтит святую матерь — «Кама сутру».
Ты в этом дока, я — ни в зуб ногой,
предпочитая стих любой другой
из форм «перпетуум-мобиле» для чувства,
я воплощаю лозунг «жизнь — искусство».

2.

Все в городе у нас как прежде: стены
то дождь, то снег крошат попеременно,
и крепость споров ниже сорока
еще не опускается — пока.
Но чтуших дух превыше, чем живот,
все менее в потоке мутных вод.
Дубовый стол, собрат мой и отец,
доставшийся в наследие от тех
бездомных зим на вековечный срок,

стоит все так же, крепок и широк —
подобием гранитных вечных глыб.
И мне казалось, мы с тобой могли бы
за ним работать вместе до зари.
Но ты с друзьями заключил пари
и бросил карту — выпал долгий путь.
Я без тебя сумею как-нибудь.
Но зимы ненавижу вкупе с летом,
возможно, осень — время для поэта...

3.

Люблю бродить кругами под дождем
по городу, подолгу, так как в нем
в такие дни ни шума, ни гульбы,
в такие дни над ним царят дубы.
И царствуя, как будто бы парят,
полет листами влажными творят.
В такие дни сильней родство домов
и крыш, что разумеется само
собой — не ехать крыше, не лететь,
лишь крепче прижимать к фасаду медь,
иль, может быть, другой металл, я в том
не смыслю, знаю — есть дубовый стол,
березовый, как роща, табурет.
Иное все — таинственный секрет.

4.

Итак, возврат к дубам необходим.
Сегодня город чудно нелюдим.
Дождь — *primo*, и *secundo* — выходной,
барометр зашкалило на зной,
как сердце на томление в груди,
хотя десятый день идут дожди.

5.

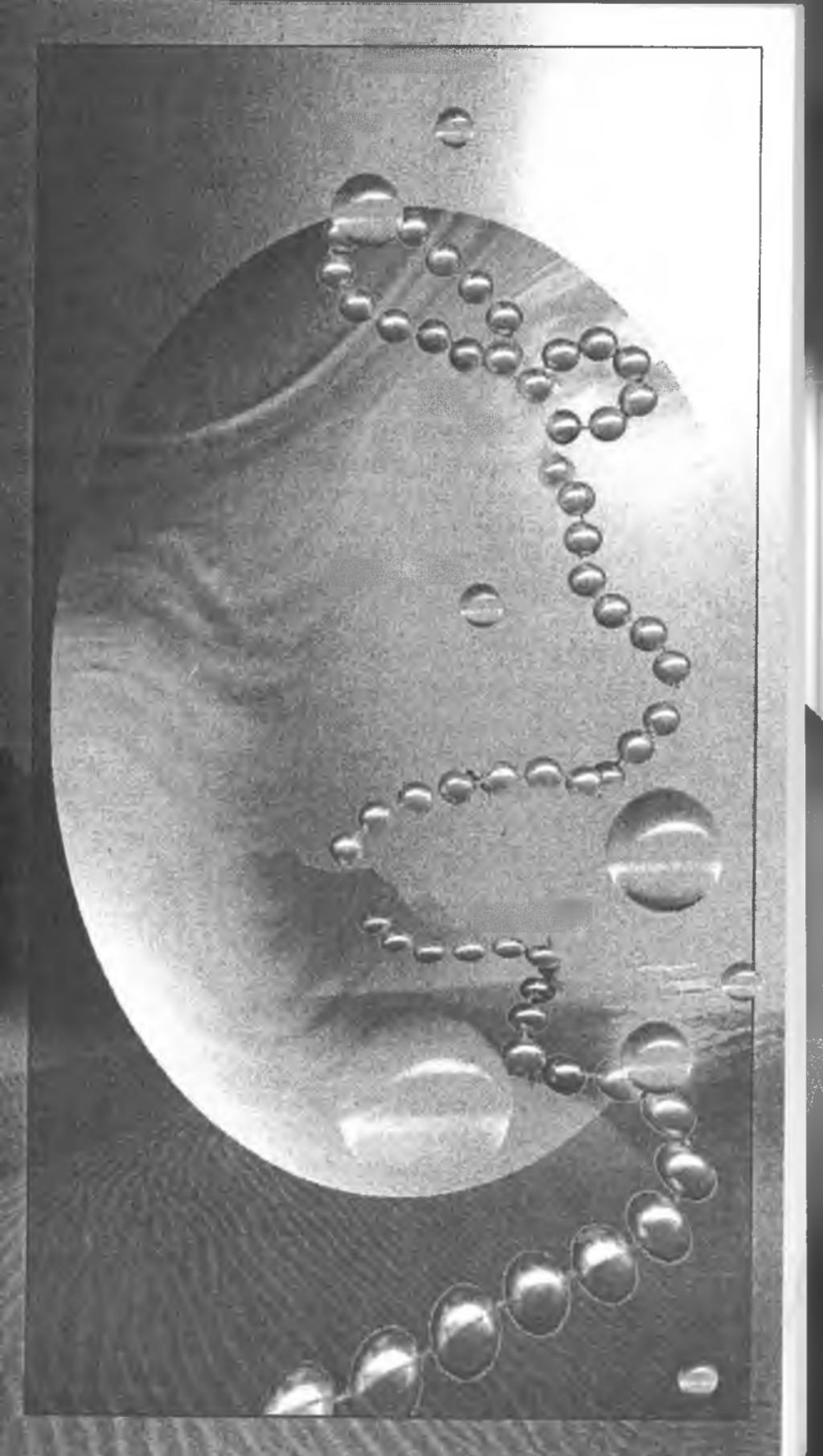
В широких складках мокрого плаща
свое существование влачат
бесполые, вневозрастные тени,
уже почти святые вкупе с теми
дубами, что над ними вознеслись,
пространство раздвигая вширь и ввысь.
И, кажется, лишь я одна телесна —
мне в складках
и в самом пространстве тесно.

6.

Пора за стол дубовый, и на тот,
как жар в печи, древесный табурет,
который, коль менять, так на «живот»,
и то по истеченью долгих лет.
За лист бумаги — бедный белый лист!
В его нутре поклеточно срослись
волокна слов с волокнами дерев,
и волчья кровь, и вечная «пся крев».
И хочется любовь, и кровь, и тлен
зарифмовать в единственный рефрен.

7.

Как рассказать тебе, который там,
за тридевять земель, что жизнь пуста
не может быть, пока есть карандаш,
окно и подчердачный мой этаж,
дающий право видеть выше крыш
тот свет, который для иных сокрыт.

8.

О чем же я? Да, верно, о дожде.
Коль дождь идет, то кажется — везде:
не выходи, сиди, не зная броду.
Но для двоих, влюбленных в непогоду, —
раздолье. И по азимуту вдоль,
они, минуя светскую юдоль,
однажды подойдут к семи дубам.
И сразу станет холодно губам,
не знающим, как говорить слова.
Не важно кто ты — грек или словак,
у сердца нет иного языка,
есть только ритм, глухой, как тамбурин,
и тихий, как осенняя река.

9.

И влажный танец губы заведут,
желая то ли петь, а то ли дуть.
И пальцы в этот миг заговорят,
сминая прочь горизонтальный ряд
застежек, линий, петель и прорех,
одежды раскрывая, как орех,
уже готовый к новому ростку...
Дождь навевает вечную тоску.

10.

И все же я люблю мои дожди,
смывающие все, что позади.
Передо мною чистая тетрадь.
Пишу: аз, буки, веди, глаголь, ять...
Ведь чем-то надо карандаш кормить.
От кармы не уйдешь, как от кормы
уходит берег в странствии земном.
Пора забыть, а я все об одном...

11.

Те, под дубами двое — были мы,
еще не пережившие зимы,
постельный холод, голод новизны,
еще не погрузившиеся в сны,
которые с реальностью роднит
единство чувства —
крошечный магнит.

12.

Стоп-кадр документального кино:
два человека чувствуют одно.
Но жаль — свет уступает место мгле,
а нежность — саркастической игле.

13.

Как рассказать тебе, который — там,
за тридевять земель, что всем мостам
не суждено сгореть, пока до дна
не вычерпаны реки, фонари
вдоль набережной шурятся со сна.
Ты помнишь наши зимы? Ровно три,
похожих друг на друга, как одна...

* * *

На бумаге слова немы,
словно души убитых птиц,
словно их написали не мы.
В сером прахе бумажных страниц
затерялись мои слова.
(Может быть, другим повезло?)
Оттого и молчу, назло вам,
и себе, конечно, назло.
Я отправлю пустой конверт —
просто знайте, что я жива,
но особой потребности нет
рассылать пустые слова.

* * *

В последних числах января
и первых числах февраля
он вспоминал о тех морях,
которые теперь поля,
он вспоминал о тех горах,
которые распались в прах
и стали тучною землей
в оврагах и глубоких рвах.
Он вспоминал о той луне,
которая была — огонь,
а не маячила в окне,
поскольку не было окон.
О космосе, который был
похож на дикого коня.
... Еще о том, что он любил
одну меня, одну меня.

* * *

Ночное действие ведомо стене
заброшенного дома, где покойник
маячит тенью призрачной в окне,
раскачиваясь на своей веревке,
от стенки, где окно, к другой стене.
Не ведая ни жизни, ни покоя,
ни в лед вмерзая, ни горя в огне —
качаясь от одной к другой стене.

* * *

В призрачном мире промокших плащей
прячемся в теплый живот электрички,
где неизменен порядок вещей
до ритуальных значений привычки.
Где, чужаки среди прочих чужих,
стиснуты ближе, чем в брачной постели.
То, что имеет название души,
ежится скорбно в стреноженном теле.

Письмо в Курган

(С. Бойцову)

1.

Приветствуя тебя, курганный житель!
И старый дом, поэту обитель,
и тихий шелест пропыленных крон,
и черного кота, что мимо окон
в охотничьем азарте прыгнет боком
на стайку зазевавшихся ворон.

2.

Приветствую... Но, Господом ведома,
храню как жизнь очаг родного дома.
Храню огонь. Остывший пепел сед
как космы смерти или глянец кости.
Но мы еще придем друг к другу в гости,
соседи по планете.
Мой сосед!

3.

Велик соблазн жонглировать словами,
и с фразами, как с умными слонами,
обученными в цирке, выступать.
И зрим соблазн — как яблоко на ветке:
слова как будто мелкие монетки
из глиняной копилки высыпать.

4.

Кому нужна никчемность наших бдений?
В ночном дыму нетрезвость
рассуждений?
Язык нам дан затем, что б говорить?
Нет, чтоб жевать обычности солому,
ловить слезу, и вкус ее соленый
на языке — на кончике — хранить!
И выплеснуть, но лишь одно, любое
из слов, что тесно связаны с любовью.
Над ними трезвость мысли — не вольна!
Лишь первое, оно дано от Бога.
Второе же, как на берег пологий
следы крушений вынесла волна —
обрывки ткани, бывшей парусами,
обломки лодок, что недавно сами
прокладывали среди волн пути.
Повторы — это копии полотен,
в которых автор безъязык, бесплотен,
в которых человек не ощутим...

* * *

В этом доме от дома были
только стены — четыре стены.
Между ними неслышно плыли,
заметая друг друга, сны.

Спали вещи и спали окна,
и на окнах цветастый плат,
самый воздух был снами соткан,
снами выпит был каждый взгляд.

Шелестящий, манящий, древний,
вздох как слово, ресницы вниз.
Это — сказка о спящей царевне,
просто сказка. Встряхнись, проснись,
посмотри — за окном светает,
тает робкая птичья трель.
Ветер листья дерев листает,
перечитывая апрель.

Время катится без остановки,
зажигает и гасит огни...
Это просто зима-воровка
прикарманила наши дни.

Бумажные птицы

1.

Ты выпустил стаю бумажных птиц.
Одни, словно листья, упали вниз —
на ветки деревьев и крыши.
А те, что взлетели выше,
возможно, найдут адресата,
что письма писал когда-то.

Летите, летите бумажные птицы.
Вам в тесной шкатулке лежать не
годится.
На каждом крыле подарок —
родимые пятна марок.

Летите, летите, бумажные птицы,
ищите, ищите любимые лица.
Кружите и пойте на воле
о давней моей любви.

2.

Письма твои приходят все реже и реже.
Чаще открытки — по голубиной почте:
скорошего почерка скальпель бумагу режет
и превращает твои слова в многоточье.

Но многоточье — многое обещает.
Уподобляясь ученому над манускриптом,
я запиваю работу крепчайшим чаем,
предполагая, что лучше бы — спиртом.

Расшифровав, убеждаюсь, что не
напрасно
пиками и лакунами зренье истерто.
Над страничным пространством
ниткою красной
бьется кровью сердечной аорта.

И мое навстречу как птаха рвется.
Муж на лоб мне ладонь
стороною тыльной —
отчего так сладко ей нынче ревется?
отчего так плачется ей обильно?

Промолчу. Сохрани эту тайну в тайне.
Иль солгу про соринку, что в глаз
попала.
Письма твои все реже и долгожданней.
Короток век. Я ожидать устала.

* * *

Миром мазаны одним
и одним днем,
наши души породним —
поворнув дном,
высыпая сор нужды,
сех соль слез.
Шепчет осень: подожду
ваших бурь, гроз.

Мокнут лодки на песке,
на ладонь — снег.
Осень кликнет — налегке
ухожу с ней.
Если что-то и возьму,
этот мир. Дом
не под силу одному
унести, в нем
крыши туч и небо крыш,
он для всех — свой.
Мне нужна подмога лишь
удержать вой
и перепуганной родни.
В землю крест врос,
миром мазаны одним,
уходить — врозь.

* * *

Стена, стена, еще стена,
окно и дверь — вот поле боя.
Здесь — бесконечная война,
и даже сны томимы болью.
Рука к руке, но в каждой меч,
уже не прятаемый в ножны.
И даже если рядом лечь —
быть дальше просто невозможно.

* * *

Как хорошо, что эта ночь темна.
Сквозь ощутимость
смолянистой тени,
покрывшей плотно потолок и стены,
не вижу, как душа твоя черна.

Как хорошо, что эта ночь тиха,
и в тишине нежданного покоя —
не понимая, что это такое, —
грешу, совсем не чувствуя греха!
Как хорошо, что это ночь...

* * *

Нам нечего прятать: засохший букет,
надоеvший рисунок обоев.
Нелепый плафон, отражая свет
тусклой лампочки, старит обоих.
Двое мудрых, поживших свое стариков
тридцати с небольшим годков.

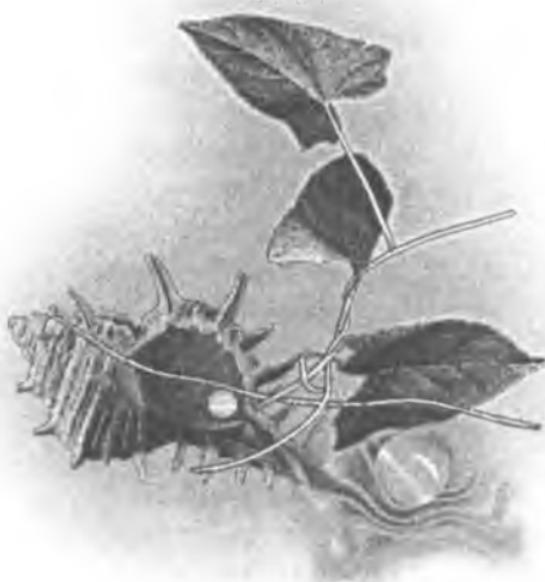
Не смотри за окно, там — жизнь,
но и мы забываем о смерти,
говоря друг другу — «ложись»
и добавляя: «верь» — те
слова, от которых не то что легко,
но раздвигаются стены.
Пока ты молчишь, сбежит молоко,
разбрызгивая пену.
И, дуя на пальцы, ты скажешь мне —
«мы эмигранты в своей стране».

* * *

Ты — детеныш земных рощ,
заблудился в небесных лугах.
Когда схлынет последний дождь,
я пройду с хворостинкой в руках.
Прогоню белопенных кобыл
мимо облачного коня.
Ты еще никогда не любил,
потому не узнаешь меня.
Оттого, что под сердца стук
не родилась еще душа,
оттого-то, седой пастух,
седина не стоит гроша.
Вдаль уходят мои стада,
лист роняет небесный сад.
Может быть, я приду сюда,
чтобы матерью твоей стать.

Полнолуние
снег
снега бег
приводящий в уныние
всё
герной тушью на
белом рисую
ни улыбки
ни боли в глазах
равнодушно усталой
рукой
герным снегом герта
за гертою
белый лист
от угла до угла
заштрихован
портрет одиночества
полнолуние
снег
мое ногество

Возвращение

* * *

Тихому звону лета —
июньская благодать.
Вдоль по дороге к Храму
бабка бредет с клюкой.
От моего окошка
до неба рукой подать,
от порога до Бога —
ой, как далеко!
Терпкому запаху яблок —
июльская тишина,
чтобы услышать весомость
гнувшего ветку плода.
Там, за зеленым садом —
храмовая стена,
здесь, под моим окошком,
густо растет лебеда.
Бабке с лицом ребенка —
августовский венок,
ветер роняет звезды —
вдоль серебра седина.
Там, на дороге к Храму,
путник не одинок.
Здесь, за порогом дома,
я, словно перст, одна.
И не услышать слова,
взгляда не увидать?
Лаже когда в потемках
ярко горят огни,
даже когда ты рядом,
так что рукой подать.
Даже когда мы рядом —
мы все равно одни.

Колыбельная нищих

Едва живой свет ночника.
Сын в колыбели засыпает.
Мать — век за веком, сквозь века —
почти на ощупь, как слепая
(мелькнет иголки острие
и быстро исчезает в ткани),
привычно штопает белье,
и песенку привычно тянет:

«Спи, дитя, потерпи.
Время тоже голо.
Злой собакой на цепи
рвется голод,
бродит по небу луна —
ломоть сыра.
Много нас, она — одна
светит сирым».

* * *

Колдовски темна вода
замерзающего пруда.
Мы приходим ниоткуда
и уходим в никуда.
Хвост по снегу волоча,
ветер воду жадно лачет.
Тсс... Ребенок где-то плачет,
по покойнику кричат...
Руки тянутся к огню.
Станет пламя пепелищем,
острый заступ на кладбище
рушит мерзлую броню.

Маргарита

Не в зеркало смотрюсь, оно — разбито,
в проем окна, что инеем покрыт.
А на меня из мрака Маргарита
загадочно и пристально глядит.
И тот же иней в поседевших прядях
(но льется солнце на Ершалаим).
Я окна настежь: «Залетай, присядем,
по-бабы о судьбе поговорим».
Легко влетела — что ж, на то и ведьма.
Я в кофеварку «мокко» — и на газ.
«Поговорим за чашкой кофе, ведь мы
с тобой похожи, словно пара глаз».
(Взбиралось солнце на гору устало
вдоль мраморных колонн в Ершалаимс).
«Скажи мне, Маргарита, что же стало
с тобой, с твоим любимым и с другими?»
...Такая гостья, сердцу в ребрах тесно!
На полути к бессмертию рука,
в прозрачных пальцах чашка —
словно бездна,
сквозь донце вьется звездная пурга.
И голос... нет, не голос, только шорох —
ловлю слова, но не поймать отвсюд
(в Ершалаиме — ночь, на вечный город
ложится бесконечный лунный свет).
Короткий вздох — созвездия сместились,
меняя отражение теней.
«Но как же так? Мы даже не простились!»
«Зачем? Разлуки нет, и смерти нет...»
(Над белым градом ночь уже мелеет).
Чернее тьма, чем пять минут назад.
По бесконечной звездной галерес
два всадника, два призрака летят...

Магдалина

1.

...Только один
принял и понял —
мой господин.
Нежной ладонью
тронул плечо,
и — вековечно.
Слезы ручьем —
радостно течь им.

...Этой руки
прикосновенье,
звуки тихи,
прячутся тени...

Господи мой!
Простоволоса,
словно каймой,
мохом белесым —
прядями — и,
будто младенца,
ноги твои
(дать им согреться!)
кутаю в пламени
рыжих волос.
Господи!..
счастье-то...
довелось...

2.

...Я не плачу. Обнял — не меня,
а, раскинув руки на распятьи,
в пламени закатного огня
принимаешь всё и вся в объятья.

Принесу в посудине воды,
оботру, как давеча живого,
соберу весенние цветы,
буду ждать
полвзгляда ли,
полслова...

Плаг Адама

Что явилось итогом молитв,
в ночь прошептанных горячо?..
Прежде Евы была Лилит
и за левым стояла плечом.

Оба — равные и похожие,
как на пару свою носок,
были двое мы — дети Божии,
белой глины один кусок.

Не сумел понять равноденствия,
не успел унять норов свой —
улетела с тенями, с песнею
часть души унесла с собой.

Вот и создал земную женщину
вместо девы небесной Бог —
то печальную, то беспечную,
мотылька на короткий вздох —

из ребра. И меня обделил он —
без ребра, как без посоха в путь...
Грунт, холстина, чернила, белила —
не вернуть Лилит, не вернуть.

Профиль ангела

Сияя свежестью лица,
он взмахом отпустил возницу
и церемонно поклонился:

— Я ангел.

Улица с конца —
от церкви, до конца — острога,
была пустынна. Я продрогла
и в дом впустила пришлеца.

Был черен плащ его. Кашне
светилось белым. Взгляд был
трезвым.

Зрачки подобъем острых лезвий
скользили вокруг меня, по мне,
и рассекали плоть бескровно,
как бы отыскивая зерна.

Мерцал огонь, и на стене
осела тень. Ее сполна
штрихом обрисовало иламя.
Я видела, что не должна
уздеть бы: под плащом спина
его не горбилась крылами.

Урок истории

По голому полю,
по выжженным градам —
кто с гневом, кто с болью —
этапом, парадом...
с крестами, с иерстами
ко лбу, с кандалами.
Кичились местами,
святались делами.
То пылью по ветру,
то камнем, то птицей —
убийцы и жертвы,
слепцы и провидцы.

* * *

Древа шумные, травы ленные —
вот исконное население
сей планеты,
а мы — в гостях.
Смена дней — для них,
и ночей — для них.
Для корней сокрыт под землей
родник,
а небесный дождь —
для листа.
И пчела шиповнику —
божий дар.
Мотылек цветку, что имел, отдал.
Все с гостинцами,
кроме нас...
Много тысяч лет гостевали мы,
за собой оставляя развалины,
сия черные
семена.

* * *

Живой, он был мертвей,
чем сотни мертвцев:
холодный дом — как склеп,
забытая могила.
О чем молчит его безлиное лицо?
О чем его душа безликая забыла?
В глазах, как в зеркалах —
лишь отблески огня,
а жилка у виска
безжизненно застыла.
И тихий шелест губ:
Послушайте, сестра...
Все было на земле,
поверьте мне... все было.

* * *

Ночью в каждом из нас
пробуждается зверь,
но не тот, полнолунный, —
для крови и драк —
 тот, который с опаской
обнюхает дверь,
обратившись во слух,
ощущения, страх.
Одинокий, в берлоге,
в полночной норе,
в землю намертво вжатый,
землею подмят.
Это — память веков,
растворяясь в заре,
оживает,
едва отпылает закат.

Пролог

1.

Что-то случится... что-то случилось...
В рамке волос побледнело лицо.
Вздрогнув, о небо ударилась птица,
палец сверкнул обручальным кольцом.

2.

Бом-м-м... Дон-н-н...
Венчальный звон...
Белое платье невестье — как саван.
Обвенчались... слава Богу!
Слава...
По хорошему, ни упрека, ни слова
злого,
не порожня...
От него, или от другого?

3.

Динь-дон-н-н...
Под окном клен,
за окном — метель...
Колокольцев звон...
Гости — да не те,
не ми-и-и-лы!
Боль глаза затмила,
темно,
покатилось веретено,
упала кружка,
а боль все кружит.
И тишина — звонкая, синяя.
Дайте огня! Застыну я...

4.

Доченька!
Глазки дочерна
раскрасила долгая ночь.
Для тебя колыбелька сколочена.
Сердце сжало, а плакать —
невмочь.

А-а-а, баю-бай....
Тихо глазки закрывай...
А глаза-то застыли,
а руки — ледышки.
Нагрешить не успела —
грехи отпустили,
и комья земли о крышку
Бом-м-м... Дон-н-н...

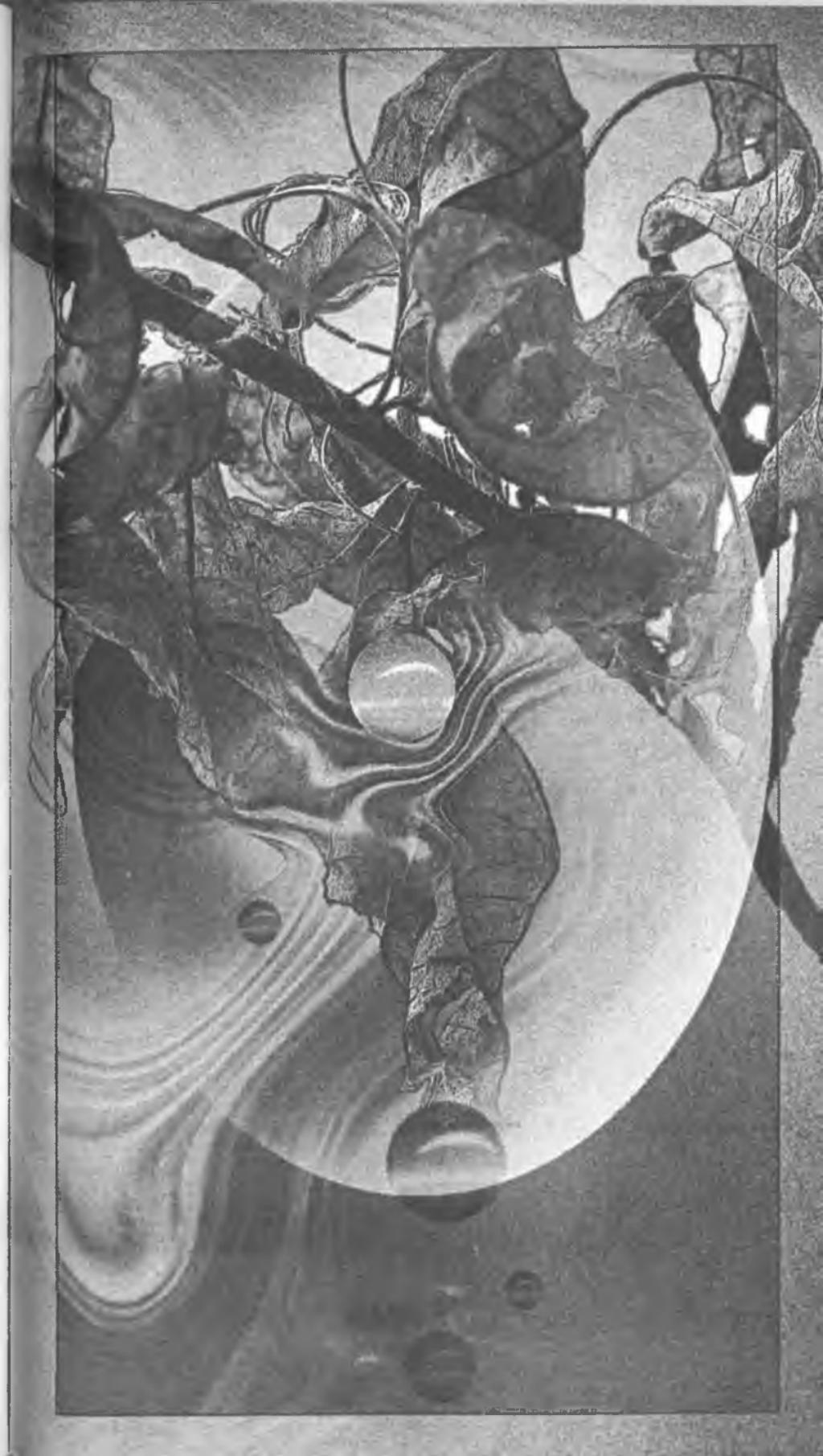
Офелия

Все цветы — такие нежные,
все касаются лица.
Никого нет у Офелии —
нет ни брата, ни отца,
ни коня, ни черна ворона...
Кроме гулкой пустоты,
только эти — звездно-синие,
бесконечные цветы.

Возвращение

С облака на луг,
где трава легка,
в сердцевины круг,
в чашечку цветка,
в стебель, соком полн,
в землю — по корням,
невесомый член,
ты неси меня.

Так домой плывут,
от дорог устав,
где чужой приют
и чужой устав.
Высохшей душой
припадают так
к ласковым рукам,
к светлым родникам.

* * *

Срублен лес до пенечка, до колышка,
ни листа, ни тенёчка.

Родила мать сыночка — ясно солнышко,
родила мать сыночка...

Ах, дитя сиротливое —
не у печки,
он в корзиночке ивовой —
вдоль по речке,
он в плетеночке чиненой —
словно в лодке,
то дитя беспричинное
у молодки.

Коли юность шальная — не уберегут
девку плети.

Катит ношу волна и тащит к берегу,
прямо в сети.

«Ай, да рыбка, — рыбак сказал, —
Не приснится!»

Потихоньку стекла слеза
по ресницам.

На колени упал рыбак,
руки вскинул:

«Долетела моя мольба —
дал Бог сына».

За пеньками да кольями снова лес
шумит,
ветром сердится.
Через годы и полымя все сильней
болит
бабье сердце.

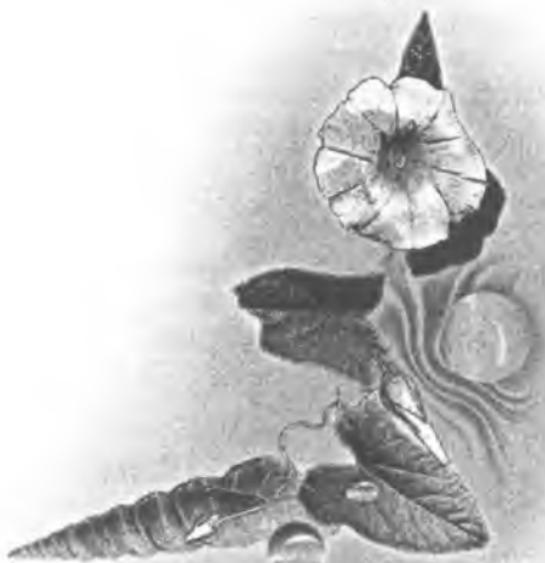
Вдоль по речке плывет луна,
мимо леса.
В черном платье — ни чья жсна,
ни невеста...
Куковала весь век одна,
беспринчастна.
Унесла по реке волна
бабье счастье.

Зажата
рана в горсть
привыгно, как обрад.

Ты
слишком рано — гость,
но слишком поздно — брат.
Стук в дверь — не гром с небес.
И боль — как будто вне.

Могу свободно — без.
Могу спокойно — не.

*Разорван
повседневный
круг*

* * *

«Никостенес меня изготовил»
(Надпись на античном сосуде)

Ты меня изготовил из глины —
красной и желтой.
И глазурью рисунок покрыл,
словно траурным шелком.
Словно знал, что на тысячелетия —
память о прошлом —
не разбить, не избыть ни потомкам,
ни варварам пришлым.

Ты меня изготовил из глины —
певучей и звонкой.
И когда молодое вино
ударяется в стенки,
отзываются узкое горлышко
флейтою тонкой,
песней нежною солнечных, лунных
и звездных оттенков.

Ты меня изготовил, и рук твоих
прикосновенье
стало телом моим, а душой —
терпеливые вздохи.
И по глине бредут неприкаянно
вечные тени
человека и города,
мира,
столетья,
эпохи...

Имя

(Т. Тайгановой)

Простое русское — Татьяна,
как луг, изба или плетень.
Но в этом имени так странно
соединились ночь и день,
и тень (когда ясна улыбка),
в глаза плывущая со дна.
Мне в полночь зябко,
в полдень — зыбко,
и с тем, кто рядом, я одна.
Пусть будет семь широких пядей
ко лбу. Но мне милее две
ладони, что, сминая пряди,
прильнут крылами к голове
и убаюкают, утешат.
Ладонь к ладони — в дальний путь,
прогулкой бесконечно пешей
куда-нибудь, куда-нибудь...

Но люльку вороны качали,
черня пером черты лица.
Татьяна — скорбное начало,
дай, Боже, светлого конца.

* * *

Как солнце лютует — жжет, жарит,
печет...

Не север — экватор, не Русь, а Гвиана.
Старушкам, торгующим квасом —
почёт,

почёт исходящим на пену стаканам.

День зноен, как будто взаймы прихватил
у ныне еще не родившихся полдней.

День зноен, а я — остываю. Прости...

И вдруг ощущение ливня припомню.

Вода от затылка прохладным ручьем —
на плечи, на спину, на грудь,
на колени...

Скажи мне, чье небо? Чье — эхо?

Ничье...

Я — небом...

Я — эхом...

Я — мимо...

Я — тенью...

На белые стены, плывущий асфальт,
усохшие травы, усопшие полдни,
я — тенью, уменьшенной тысячекрат-
но. Забудешь — забудь,
не забудется — помни.

Как солнце лютует... Сжигаю мосты,
сгораю — и в небо, и с облаком сливаться,
а после — дождями (они так чисты!) —
по лету,

по ветру,

по листьям,

по лицам...

* * *

Платье заплатано — Бог с ним,
не по одежке... Но кто,
предпочитающий осень,
шьет мне из ветра пальто?
И не от умысла злого,
а по неведенью лишь,
предпочитающей слово
дарит могильную тишину...

* * *

Я думала — тропку топчу,
а голос мой следом ведет
заблудших и скорбных толпу
под светлый, под храмовый свод.
Я думала, сердце несу
и тем согреваю январь.
Но в этом цивильном лесу
Под каждой веткой — фонарь.

* * *

Там, где меня уже убивали,
там, где терзали в пыльном подвале,
где за ненужностью сбрасывали в ров,
все еще лужицей пенился кровь.

Но я вернусь новорожденным сыном,
не убоясь, что колом осиновым
в пятом колене меня пригвоздят —
вском вперед или вском назад.

Там, где меня уже убивали,
предки мои не раз побывали,
из рассеченных, разбитых лбов
льется потоком вселенская кровь.

* * *

Сегодня в доме большая стирка —
Стираю, от простыни до шторы,
всё. И в стекле протираю дырку,
чтоб видеть солнце в окне, в котором
пока лишь тьма, но не за горами
весна, ее посевные сроки...

Большая стирка, и я стираю
в своих тетрадках чужие строки.
Стираю кадры видеоленты —
чужие руки, чужие лица.

Стираю песни, которые спеты,
стираю сны, от которых не спится.
Большая стирка. Сдирая кожу,
стираю карту судьбы с ладоней,
стираю век мой, который прожит,
и как другие, в забвеньи тонет.

* * *

Вы напрасно перстом указующим водите
по атласному, в жилках, листу.
Я стираю нули километров из сотен
и вбираю в себя пустоту.

Оцарапавши душу минутой прощания,
словно палец о шляпку гвоздя,
на какой-нибудь станции в маленькой чайной
 выпью водки полсуток спустя.

В городке, отмеченном красною точкою,
как мишень на солдатском плацу:
две тоски, две бессонницы — только ночь и я,
на перроне лицом к лицу.

Все «мое» исчезло за давностью времени,
за бесчисленным количеством дней...
Я бреду по земле по законам трения,
притяжения душ и теней.

Бабочка

1.

Выпорхнула из дров — над топкой
печной, едва избежав огня.
Была живою, летала и теплой
радугой радовала меня.
Я придумала бабочке имя —
Лилея — легкая стать.
И подумала — эту зиму
не придется одной коротать.

2.

Четырехкратное одиночество
с одним просветом в форме окна,
с его крестом,
с крестовым пророчеством.
В окне, как в зеркале, отражена
стена.
Просвет — только видимость выхода.
Напрасно бабочка бьется вдоль
прозрачной глади. Какая выгода,
ломая крылья, лететь в юдоль
земную? Там — за стеклом — морознос
пространство дня. Весна — далека.
А здесь, на подоконнике — розовое
убежище в цветочных горшках.
Но бьется бабочка, тащит тело
бессильное — зачем и куда?
И замерзает на снежно-белых,
лилейно-белых разводах льда.

Анне

Легокрылый ангел утренний
не поет.
Он вдоль тела крылья уронил —
слезы льет.
Он ресницы долу опустил —
нет лица.
Легокрылый ангел загрустил
без отца...

Белая ночь

После жаркого дня
неприметным и медленным шагом
без светил и огня
подобралась белесая ночь.
То качает меня
многоцветья июньского брага?..
Не качаю ли я
на коленях
уснувшую дочь?
Эта белая ночь...
Полно, ночь ли,
а может быть утро?
Отлетели вдруг прочь
все созвучья и шелест реки.
Превозмочь,
скинуть сон, навалившийся будто,
или смочь
и уснуть колдовству вопреки.

* * *

Как волхвы над колыбелью,
как святые над купелью,
как купцы над сундуками —
рыбаки. Над рыбаками
небо клонится, и солнце
освещает камни донца,
где сверкают плавниками
нереиды и наяды.
Рыбакам наяд не надо —
неподвижны, словно камни,
видно, сказку памятуя,
ловят рыбку золотую.

Янтарь

Уснул мотылек
на медовом боку сосны.
Крылья белые на закате стали красны.
Не взлететь мотыльку —
шатается словно пьяный.
Тяжела тоска
сосновой слезы смоляной.
Тяжела слеза,
но в море сорвалась — легка.
Раскачают ее и волны, и облака.
Укачают слезу,
и вместе с ней мотылька.
Спи, мотылек,
люлька твоя глубока.
Спи, мотылек,
ты не янтарь пока.
Минет январь,
и бессчетно пройдет январей —
бросит волна на берег
прекраснейший из янтарей.

Голоса камней

1.

Вдруг оживающий в руке,
гнездо в ладони выющий заново,
оттенка солнечного, странного —
тот камень, найденный в реке.
Неровен он и не речист,
в отличье от прибрежной раковины.
Но сколами, почти что лаковыми,
он целомудренен и чист.

2.

Я слышу голоса камней
под лошадиными копытами,
и крошки слов, плющом увитые,
в ладони катятся ко мне,
и отзываются во мне
осколком мрамора античного.
И откликаются во мгле
все башни выкриками птичьими.

Звездное молоко

Бредят луга стадами
бродят стада лугами
тянут рога коровы
небо к самой земле

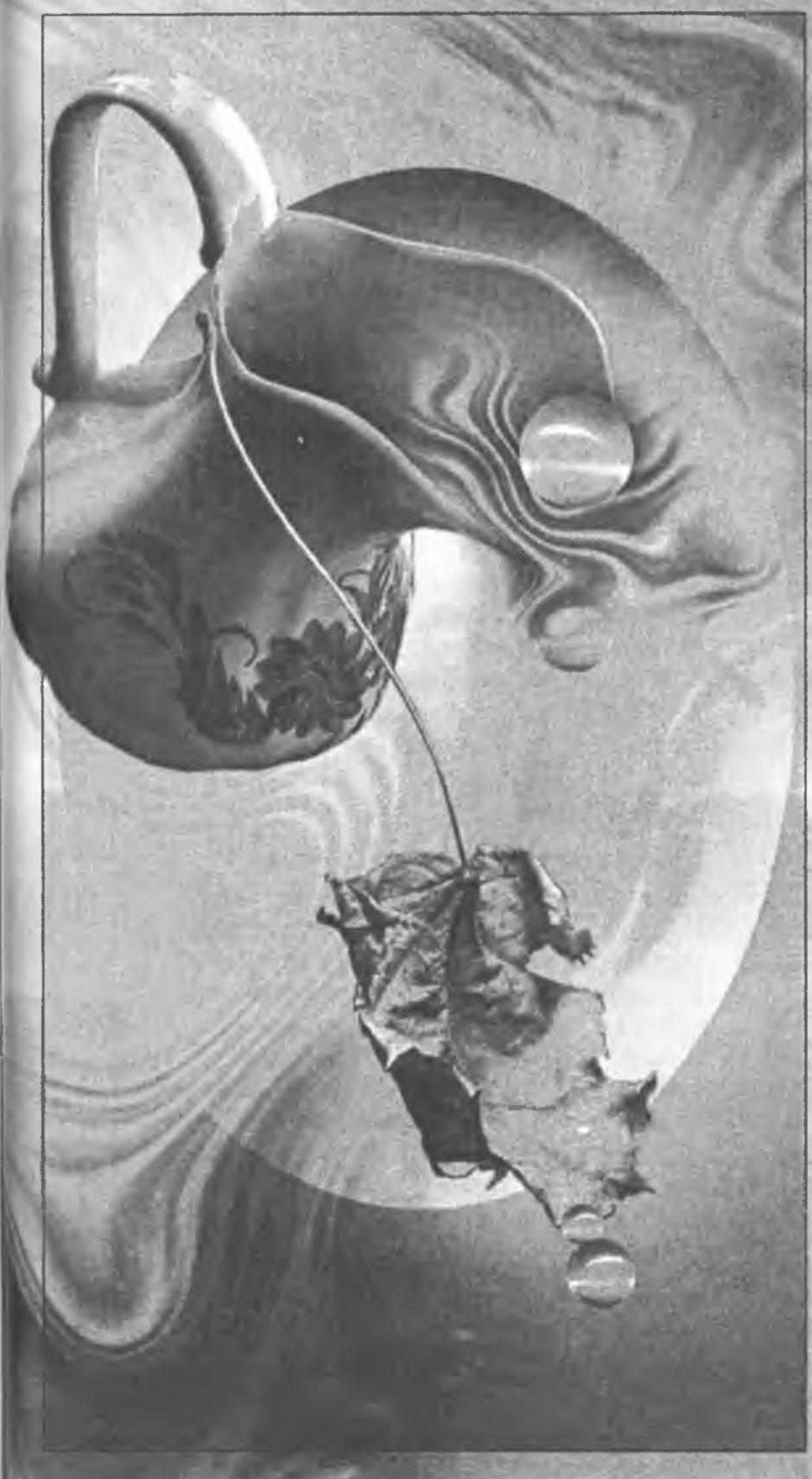
Если пройти по краю
луга, можно увидеть
как опускается небо
шорохом шелка вниз

И прикоснувшись к травам
тихим туманом плавясь
медленно оседает
млечной голубизной

Бродят стада лугами
головы наклоняют
и с травы подбирают
звездное молоко

Отрывок

Марк Шагал беспечно шагал
по небу, на бога похожий.
Вид летящей собаки пугал
птиц и немногих прохожих.
Вид летящей коровы привел
в сомненье молочницу Галю.
Да одинокий безрогий вол
вдруг захлебнулся далью...

Старшие Арканы

Маг

Испивший чашу мудрости до дна,
уже не станет жертвой на закланье.
Ты — сам свой суд,
и сам — своя вина,
пыль посоха, и самый посох в длани,
короткий меч, в котором остириё
пронзительнее радиуса в круге,
и тень, и продолжение её
рукой в извечной круговой поруке.
Свое предназначение прими,
стань каплей в океане, нотой в гамме.
В тебе все боги, ставшие людьми.
В тебе все люди, ставшие богами.

Жрица

Для красоты закон — она сама.
Об этом знали альфы, знают люди.
Пусть ты прочтешь бесчисленные тома
ученых книг — все сущности не прибудет.
Вот зеркало, в нем — отраженье, вот
оригинал из плоти... Только где я?
В любом из нас двоякое живет,
так в камень бьется сердцем Галатея.
И холод отражения хранит,
загадку взгляда, безупречность линий.
Но путь вселенский,
бесконечно длинный,
все разное во мне объединит.

Шут

Людской толпы и суетности — мимо,
как облака, летящие над миром, —
танцует Шут свой бесконечный танец.
Ему б остановиться — да не станет!
Он здесь сегодня, где он завтра будет...
Спешат, его не замечая, люди:
танцует Шут, беспечен, и бесплотен,
вдоль сюрреалистических полотен
действительности —
кто я,
кто вы,
кто мы? —
лишь любопытством юности ведомый.
Зови его Безумцем или Богом —
он выбрал бесконечную дорогу
сквозь все миры, и всюду — иностранец,
танцует Шут свой бесконечный танец.

Золотой апельсин

«В море нету апельсинов»

Ф. Г. Лорка

В море нет апельсинов,
лишь один круглобокий случайно
на закате
скользнул
с неба,
воду не расплескав.
Над оранжевой коркой
кричат беспокойные чайки,
и багряные блики
достигают границы песка.
Кто его обронил?
Чья рука так внезапно разжалась,
что умолкла струна,
вдруг лишенная треснетных сил?
Чайки громко несут
над волной бесконечную жалость.
Равнодушное море
катит вдаль золотой апельсин...

Пьющая

Сначала она
выпила чашу вина
до самого дна.
Потом из кувшина,
в котором дно далеко,
лакала вино,
как будто оно — молоко.
Потом из колодца пила,
доставая луну,
потом заливалась
свою и чужую вину.
Когда же
на дне
не осталось
ни капли вина,
ночною тоскою
она напилась до пьяна.
Но жажда вернулась,
сжигая ее изнутри.
И лопались губы
в стремлении вытолкнуть крик.
И падая, падая навзничь, уже на лету
большими
глотками
глотала
она пустоту.

Коррида

Кругом арены очерчена жизнь, а смерть —
вот она, рядом, в горячем дыханье быка.
Грань, за которой уже невозможно сметь
видеть плывущие над головой облака.
«Храбрый тореро!» —
Трибунный клокочущий вой
катится в небо
и бьется в небесную медь.
Раненый бык
роет землю, трясет головой,
в каждом дыхании,
в каждом движении — смерть.
Танец безумья, молниеносный полет...
Раненый торо в паре с тореро кружит,
в каждом дыхании,
в каждом движении поет
вечная ярость
и жажда смертельная — жить!

* * *

Там, где светел небесный
свод, прильнувший к окну,
мальчикам в кущах тесно,
они играют в войну.
Сколько их было и сколько
осталось — никто не вспомнит.
Сеет луна осколки
на черные колокольни.
И отзываются скорбно
мертвые колокола.
Сколько их было и скольких
луна с собой увела.
Может быть, только ветер
в странствиях бесконечных
мальчиков этих встретит
на перекрестках млечных.

* * *

Что это — стон или крик?
Спи, и о том забудь.
Белым котенком блик
лунный упал на грудь.
Белым котенком сон
ищет в потемках путь.
Что это, крик или стон?
Спи, и о том забудь.
Это всего лишь дверь
хлопает на весу.
Это всего лишь зверь
дикий кричит в лесу.
Сможет ли кто посметь
спящего разбудить.
Черным котенком смерть
спит на его груди.

Попытка орнитологии

Синицы, ласточки... влекомы
инстинктом, улетают птицы.
Орнитология — сестрица
иной родни, мы не знакомы.
Я только видела, что птица.
Я только видела, что крылья
холодный воздух тяжко били
и были остроклювы лица.
Что пух подушечный слепился
в тугой комок. И это тело
небесное само летело
и гордо называлось Птица.

Рожденье речи

Лишь только двинулась рука,
вовне на что-то указя,
а твой зрачок уже, ликуя,
нарисовал полет листка.
И губы только раскрывались,
но говорило все лицо —
опережая звук, покамест
на языке слова сливались
в золотогранное кольцо.

* * *

За пределы нотной гаммы,
выше сна, чернее дна,
из пращи небесной камень —
жизнь короткая дана.

Кто со свистом да в монисто,
кто на крыльях, кто ползком.
У меня, осенней, листья
ворохом под каблуком.

Кто с молитвой, кто с веревкой,
всяк стремится в рай попасть.
А меня ночной воровкой
назовите, буду красть

сны весны, приметы лета,
озимую благодать,
горечь, нежность — что поэту
красть дано, дано отдать.

Не берут — пустить по ветру,
выше неба, ниже дна.
Вот поэтому поэту
жизнь короткая дана.

...Сколько раз
от него
езжала я, но
этот город стоит
за моей спиной,
ощетинившись
трубами, как часовой.

Я таскаю его
на плечах за собой.

Пробинция

* * *

Таким неистовым огнем
горели окна на закате,
и город, столь обычный днем,
свою обыденность утратил.

Он полыхал, он плыл в огне,
грозя совсем сгореть в финале.
И чьи-то тени на окне
театр теней напоминали.

Все было в городе не так,
метались радугами краски...
Жаль, кратковременный спектакль
летел стремительно к развязке.

Еще мгновенье, и погас
закат, все окна обезличив,
и город мой для многих глаз
стал вновь обыден и привычен.

* * *

Он заблудился в вечеру
среди оснеженных кварталов.
Метель крупинки как икру
над сонным городом метала.
Ключу, зажатому в руке,
замка и двери не хватало.
А на заснеженной реке
февральский лед неслышно таял.
И до весны — подать рукой,
и до подъезда — три затяжки.
Но, потерявший вдруг покой,
вздыхал он горестно и тяжко.
И тело начало неметь.
Но он идти не торопился.
Стоял, курил, смотрел, как злится
февраль, предчувствующий смерть.

Провинция

Город маленький, так, городок...
Огород возле каждого дома.
Даже нищего у ворот
не увидишь. Здесь каждый — знакомый.
Не семья — но единая речь, и
привычный уклад, по старинке.
Без соседей ни хлеба испечь,
ни жениться, ни справить поминки.
Коммунальная старая жизнь,
не наследье времен, шутка генов —
устремление к табору: из
норной скуки — к хаосу вселенной.

Весна

Мимо пастбищ автомобильных,
мимо кладбищ металломольных,
в ароматах бензиновых и пыльных
в городские каменоломни
приходит весна.

Зацветает стекло ветровое
нежной цветью дорожной грязи.
И в любовной истоме воет
пароход по имени «Разин».

Это весна...

С неба льет кислота, и ветер
транспарантов простирая сушит.
На реке беспризорные дети
рыбу глушат.

Это весна...

И бомжи из подвалов — рысью,
городская свалка ликует.
Нынче в гости не только крысы!
Аллилуйя!

* * *

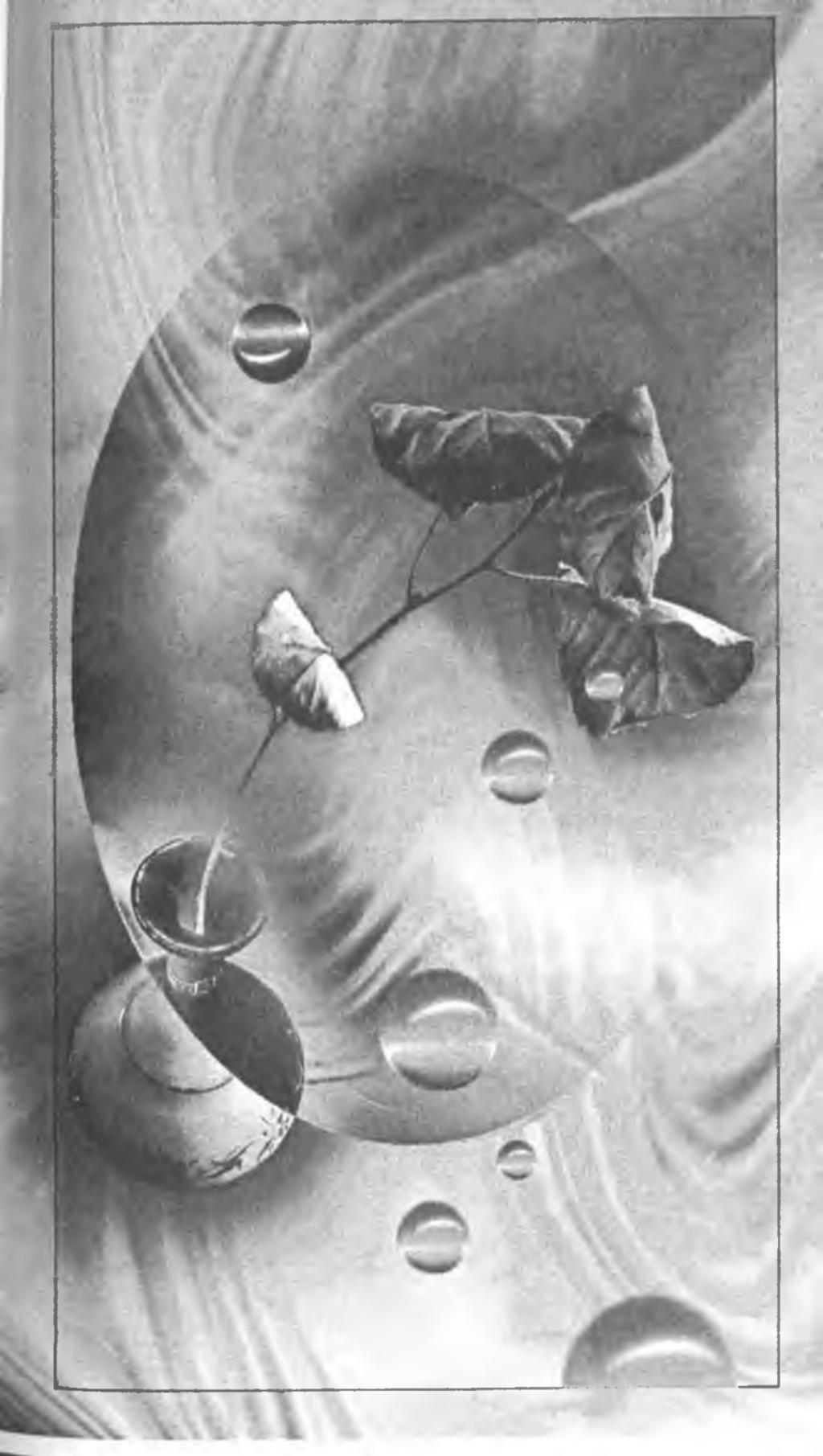
...А мы уже давно живем в том мире,
что по привычке именуют адом.
В нем дым и гарь, железные ограды,
наполненные воем автострады...
И если б не уют в моей квартире,
я б точно знала — приговорена
к страданьям вечным,
к чертовой пекарне,
к хождению по краю и по грани
ножа, к вращению веретена.
Я б точно знала,
в будущность не веря...
И только в доме,
где шуршанье мыши
дарует ощущенье пола, крыши,
стены, окна, стола закрытой дверцы
и тишины, длиною в пару терций,
мне удается все-таки услышать,
как медлит время
в самый час рассвета,
как каплет время
с отсыревших веток,
как бьется время
родниками лета
и рвется пульсом,
оживляя сердце.

День мой вчерашний

Небо вчерашнее,
год мой вчерашний,
день мой вчерашний.
В небо как в лед
вмерзают высотные башни.
В небо как в реку
падают, падают взгляды.
Только слезам
не пролиться в него — и не надо...
Слезы — земного удела
скорбная пища,
Каждое зернышко —
каждую каплю отыщет.
Каждое зернышко
в глубь прорастает и выше...
Тянется город
и в небо вмерзает по крыши.

* * *

Дремлет кот на бездомной скамейке,
перешедшей аллею вброд.
В заскорузлую руку копейку
брошу нищенке у ворот.
Брошу, морщась, но не жалея,
и со лба морщин не сотру,
словно я нищетой болею,
словно милостыню беру.

В городе твоем

В городе твоем все дома да дымы.
В городе твоем от зимы до зимы
перечтешь едва сотню дней и ночей.
Август миновал — первый снег на плече.

Где она, весна? Долго спать-зимовать,
над болотом сна
тишь да гладь, тишь да гладь.
Глазу нечем жить, и зрачок — не у дел.
Некуда спешить, не поднять сонных тел.

Рано утром встань, прочь перину и плед.
Хоть к цыганам в стан,
хоть за птицами вслед...
Что там впереди? Не гляди, не гадай.
Просто уходи, убегай, улетай...

Зеркала

С теченьем лет мутнеют зеркала
и тускло лгут, с действительностью споря.
И женщина — румяна и бела —
вдруг почернеет, как земля от горя.
И вскрикнет, черный плат в руке неся,
похожая на траурную птицу.
Земля же охнет бабой на сносях
и новою могилой разродится.

* * *

Насквозь промерзшие дома...
Бредет усталая зима,
а снега полная сумма —
над миром в облаке.
Как на беду сумма стара,
и на боку ее дыра.
Под грузом белого пера
мой город в обмороке.

Вологда

Здесь до рассвета тихо — ни души...
Похожий временами на деревню,
устало засыпает город древний,
свет фонарей и окон притушив.
На улицах пустых и площадях,
и в сквере у Софийского собора,
как часовые в вымокших плащах,
деревья сторожат уснувший город,
где домики, как гномики, стоят,
где в три ступеньки
старые крылечки...
Пятиэтажки — их нахальный ряд,
смутил патриархальное местечко.
Меж ними затерялись купола,
поблекла, потускнела позолота.
И Золушкой все ждет и ждет кого-то
та Вологда, что Вологдой была.

* * *

Минуту назад еще
там, за оградой,
я — шумом оглушена.
На Миусском кладбище,
с улицей рядом,
такая стоит тишина!
Здесь запах разлуки,
осеннего тленья,
тишайший полет паутин...
И мраморный мальчик
застыл на коленях
в молчании скорбном,
один...
А я?
Я — не в счет!
И нема, и бесплотна,
пройду мимо пыльных оград.
Здесь время течет
как-то странно и плотно,
нарушив единство и ряд.

* * *

Брат моей бессонницы,
полуночный трамвай,
колокольцев звонница —
последний, поспевай!
Еду безбилетная,
а кондуктор — спит,
рельса, словно взлетная
полоса, гудит.
Мчимся сквозь фонарные
отблески, сквозь дождь,
где листы фанерные
пробирает дрожь.

Друг моей бессонницы,
мчи своим путем,
скорость нам отмолится,
вычтется потом.
Сквозь мороку донную,
сквозь рекламный гром,
вдоль домов, бездомные,
ищем, ищем дом...

* * *

Не запираю двери,
но согреваю печи,
ибо друзья приходят
души отогревать.
Враги не заходят — ибо
здесь поживиться нечем:
не погулять на поминках,
на свадьбе не горевать...
Не запираю окна —
в окна влетают птицы,
тянет весенним ветром,
мартовским калачом.
Друг мой, тебе печально?
Друг мой, тебе не спится?
Возле натопленной печи
сядем к плечу плечом.
Можно без слов, а можно
так, ни о чем, как пудру
сыпать слова на ветер
с вечера до зари.
Важно то, что мы рядом,
то, что наступит утро,
то, что трещат поленья,
то, что огонь горит...

* * *

Ночью
по городу моему
бродит надежда
одна-одинешенька.

Ночью
за дверью закрытой в дому
женщина плачет,
черна как монашенка.

Ночью
мужчина, глядя во тьму,
гасит окурок в банке консервной.
Ночью
спокойно спится кому?
Детям, наверное...

* * *

Я не верю рассказам бывалых,
не страдающих от перемен.
Даже осени рыжей опала,
приходящая лету взамен,
отзовется глухою болью.
Уезжая, не смейте лгать,
что при виде чужого поля
вам свое не дано вспоминать.

* * *

Полуночных ожиданий
бесконвойная тоска,
разгулявшихся компаний
пенье, легкий скрип песка
под ногою осторожной...
Чертыханье у двери,
звук ключей —
такой острожный...
Ну, скорее отвори!
И на цыпочках — в пространство
опостылевших углов.
Возвращение из странствий
в мир об стену битых лбов.
И потянет пустотою...
...И потянет в те места,
где поманит высотою
тень ажурного моста,
и затянет глубиною
неподвижная река...
и оглушит тишиною
тень ночного потолка.

Еще

не замешена улина
для ждущего розу кувшина.

Еще

не скопили росы
воды для кувшина с розой.

Еще

далеко до рассвета,
чтоб росы упали с веток.
Но поздно — срезают бутоны
с моей долгожданной розы.

Заоблачные жители

* * *

Сегодня так низко начертаны тучи
незримым художником в небе пустынном.
И так одиноко, что было бы лучше
уплыть в сновидения
в царстве простынном.

Но время не терпит пустых закоулков,
и я забиваю в него неустанно,
как старые письма в утробу шкатулки,
как старое платье в нутро чемодана,
весь хлам, что накоплен за долгие годы:
удачи, провалы, надежды, сомненья....
Но время, как часть одичавшей природы,
не терпит излишка в любом проявленьи.

Сжимается время в пределы ореха
до черной вселенской дыры, и напрасно
я в прошлом пытаюсь заштопать прорехи:
по черному — белым,
по белому — красным.

Та нитка, что вьется под пальцами Парки,
вот-вот оборвется — в угоду изъяну,
а я — как обычно — гуляю по парку,
где низкие тучи сроднились с туманом.

Чай с малиновым вареньем

(Моей бабушке
Прасковье Кузьминой)

Премудрая краса —
седая аккуратность,
короткая коса закручена в пучок.
На стареньких весах — кем? —
взвешенная старость,
оцененная — кем? —
в затертый пятачок.
Прозрачная рука,
и шаг — сродни паренью,
и плоть на взгляд легка —
заиндевелый лист.
Мы пьем на кухне чай
с малиновым вареньем,
и так близко родство
двух непохожих лиц...
Мы так с тобой близки,
и все же так далёки...
И жилка у виска —
прозрачна, голуба...
А ветер мчит листву
последнюю вдоль окон
и бьются облака
о твердь земного лба.

Post skriptum

(Памяти
Саши Муромцева)

1.

Опять придумываю мифы,
ломая торопливый почерк —
горячий бред больного тифом,
холодный шепот звездной ночи...
Возможно — рече и короче:
так жить душе, покинув тело.
А все что есть —
сухой подстрочник,
переведенный неумело.

2.

Черные ступени лестницы,
шаткие перила.
телеграмма — птица-вестница
крылья приоткрыла.
Зерна по листу рассыпала —
велика потеря...
Будто кто-то грядку выполол —
строки поредели.
Взглядом по листу растерянно —
не собрать в котомку...
Господи, опять потеряно!
Рвется там, где тонко.
Рвется там, где больно, там, где
бережно лелеяли.
Снова отговорка — нам, де,
ведать не велели!

3.

И все-таки ведали,
все-таки знали.
Привычно обедали,
мерили снами
короткие ночи.
Дни, слова короче,
летели-галдели
и напророчили!

4.

И снег пошел, но не устойчивый,
а тот — капризный,
привыкших к лакомству, попотчевать
поспешной тризной.
В морозной слякоти
следы замешены,
как тесто, круто.
На нитку памяти
еще навешена
одна минута.

* * *

Пространство упывало из-под рук,
преобразуясь в будущую осень,
когда во тьме родился первый звук,
проклонулся и громом грянул озень,

и мимо пальцев проплывал рассвет,
рисуя охранительные руны,
и попирая смерть, которой нет,
играл Орфей. Перебирая струны,

искзал слова, которым не дано
родиться, ибо неоткуда выпасть.
Когда пуста земля — пусто зерно,
и некуда умы вести на выпас,

и веры опустел кувшин, давно
не помнящий как пенится вино,
таящее то — истину, то — искус.

* * *

Понедельник, вторник, среда...
Друг за другом — как поезда:
мимо зеркала на стене,
мимо окон в закатном огне,
мимо нищенки у ворот,
мимо дома, где враг мой живет.

Только мимо Харона не смочь.
В бесконечную мертвую ночь
день за днем и за годом года
через реку — туда и сюда...
Понедельник. Вторник. Среда.

Геликон

Мой отец играл на трубе
по имени геликон,
похожей на большую раковину,
и пальцы
примораживал к медным кнопкам
во времена похорон
и многочисленных
демонстраций.
Под «Марсельезу» и Моцарта
инструмент хрюпел,
охал, стонал и взвизгивал
по-собачьи.
Но отцу казалось,
что геликон пел
в консерваторском зале
нежного Грига и Баха.
Отец, возвращаясь с холода,
прятал в шкатулку мундштук,
надраивал медь порошком
и бывшим бархатным бантом.
Он не трубу лелеял,
а давешнюю мечту —
стать музыкантом.

Мой отец играл на трубе
по имени геликон...

Небесные ярмарки

Где вы, басенки да сказки,
да раешники с райками —
где же вы?

Размывает время краски,
прячет их за облаками
от живых.

Где задорные Петрушки?
Бабы — ушки на макушке —
в балаган.

То-то близится потеха.

Ох, достанется им смеху
по бокам.

А мальчишки — с леденцами,
деревянные игрушки
под локтём...

Эти станут молодцами —
заряжать на фронте пушки
под дождем.

Ох, и будет там потеха —
не до жиру, не до смеху —
воевать...

...Нынче им по тропкам тесным
да по ярмаркам небесным
гулевать.

Ночной разговор

«Мама, ты помнишь меня?»
«Помню, сынок, помню!»
«Не зажигай огня».
«Холодно и темно мне».
«Не зажигай огня,
только вспугнешь душу.
Мама, ты слышишь меня?
Слушай...
Не протяну руки,
время идет, и тело
на берегу реки
истлело.
И головы не склоню,
не преклоню колени...
Не подходи к огню,
не вороши поленья».
...Холод и сумрак ночной,
дрогнули зябко плечи:
«Ты в моем сердце, родной,
но от того не легче,
слышу твой голос, твой зов,
чуть приглушенный далью,
вижу твое лицо,
скомканное страданьем
и непрощенной виной...
Стало ль душе спокойно?
Как там тебе, родной...»
«Больно мне, мама, больно...»

Сны

1.

Ты спишь. Дыхание пунктиром
рисует область бытия,
границу между этим миром,
в котором я,
и тем, в котором ты, который
мне не доступен. Парой рифм
друг с другом стянутыс шторы
хранят внутри
тепло и сумрак, а снаружи —
морозно, скоро рассветет.
Моим движением разбужен
дремавший кот.
А ты все там же. И тенётам
сна — глубина, рассвету — мель.
Подобен спящий экспонату —
(меж нами тридевять земель) —
музейному. Не прикасаться! —
на осязание запрет! —
и даже твой пиджачный лацкан
мне ближе незнакомых черт
твоих, которые размыты,
в которых притаилась смерть.
Такое лишь бессонный мытарь
способен зреть...

2.

Выплюваешь из сна, как со дна
стайка рыб на огонь выплывает.
Трель будильника еле слышна,
и зевота грядет горловая,
и дремота, туманящая
взгляд
сквозь полураскрытые веки.
Сон во впадинках и щелях
подсознанья укрылся навеки.
Лишь намеком в течение дня —
звуком, словом напомнит,
оттенком.
И замрешь, руки вдруг уроня,
или взглядом
уставившись в стенку.
Но прошло, унесло сквозняком,
отступило отсутствием жажды.
Сон таким говорит языком,
что услышит не каждый.

* * *

Сентябрем потемнела вода,
черный ветер то плакал, то ахал...
Мне хотелось отплыть в никуда,
любопытство мешая со страхом.
Прахом листьев, сгоревших в костре, —
легким пеплом осыпаны руки.
Я люблю уходить в сентябре.
Я обучена этой науке.

* * *

Когда луна покинула свой дом,
звезда с небес упала на колени,
и в этот миг новорожденный гений
упал в чужие руки как в гнездо.
И над землей взорвалась тишина
горячим гулом медного набата,
и женщина, ни в чем не виновата,
молитвенно застыла у окна.
Но звездных книг таинственная вязь
уже вилась, как кружево на спицах.
Над львенком
распростерла крылья львица,
оборвалась пространственная связь.
В печи остались уголь и зола,
свеча до основанья догорела.
И спеленала маленькое тело
полуночная звездчатая мгла.

Кладбищенский сторож

К слезам человечьим давно равнодушен,
свидетель бесчисленных похорон,
тела охраняет и горькую глушит
кладбищенский сторож по кличке Харон.

Живые давно ему осточертели,
в отличье от многих, он убежден,
что, как ни заботясь о духе и теле,
а всё ненадолго — лишь до похорон.

Еще он открыл, сам того не желая,
один философски-печальный аспект,
что особь людская, покуда живая,
к чему-то стремится, а мертвые — нет.

Они молчаливы, мудры и спокойны,
они не солгут, не сбоятся с пути.
И лучшего друга, чем старый покойник,
Харон убедился, вовек не найти.

Он утревчком рано придет на могилку,
присядет в ногах, словно с краю стола.
Стакан опрокинет, занюхает килькой:
«Ну, что, брат покойный, как нынче дела?»

Время совы

Мимо пустых рощ
день пролетел вскачь.
Время совы — ночь.
Дело совы — плач.

Совушка, ты, сова,
скорбная голова,
нам не оплакать всех.
Вслед за слезами — смех.
Смех — разгонять страх,
смех — отгонять смерть.
Плакать — до первых птах,
с первыми птахами петь —
мне, а тебе, сова,
мудрая голова, —
в час, когда день свят,
спать, согревая совят.

Роща

Звенела роща, пела роща,
а нынче тихо-тихо ропщет:
«За что казнили,
за что срубили?»
И ветер — эхом: «Были, были...»
А тени робки и белесы —
намек на возрожденье леса.
Давным-давно отпели пилы,
а роща ропщет: «За что
сгубили?»

Призрак

(М. Хлебниковой)

1.

В твой час моих часов замедлен ход
не силой тренья — силой притяженья.
И звоном оглашается приход —
творение, парение, скольжение...

2.

Зажгу свечу. Пригодны ли сто ватт
тому, кто видит только свет небесный?
Во мраке я теряюсь — виноват
зрачок, в себя вбирающий дно бездны.

3.

Коснись вещей вне ощущений, вне
телесной жизни.... Это как во сне?
Похож ли на небесный — свет в окне,
когда рассвет — едва, закат — на нет?

4.

Грех любопытства?.. Вряд ли, чем седей
виски, тем меньше любопытства, просто
задумавшись о времени, к себе
я примсряю жизнь иного роста.

5.

Но твой приход?..
Там нет случайных мер,
по крайне мере, говорят, что нет их...
Английский заразителен пример
возврата призрака на место смерти —

6.

бредущей в одиночестве, в глухи,
преступницы, отступницы, души,
которая не в силах разрешить
сомнения: «А стоило ли жить?»

7.

Как неуместен весь мой скептицизм,
идущий следом зависти и страху,
где зависть — отрицанье смерти из
страха обратиться просто прахом.

8.

Но твой приход... До срока выпив жизнь,
испив до срока брагу вдохновенья,
ты продолжаешь надо мной кружить
таинственной строкой стихотворенья.

9.

Но твой приход — он не оправдан здесь,
как хризантем предсмертная дремота.
Я обновляюсь бытом — извесь, взвесь
всех запахов и прелестей ремонта.

10.

И обновляясь бытом, бытие
отряхиваю, словно пыль с коленей.
Полночный гость, вселенский вечный пленник,
я не достойна памяти твоей.

Мария

(M. Хлебниковой)

1.

Навстречу руку протяни,
лба моего коснись ладонью.
Мария, мы с тобой одни,
совсем одни,
в пустом как раковина доме.

Дай на колени сына мне,
пусть отдохнут от ноши руки,
на дне молчания, на дне,
на самом дне
любовь таит разлуки.

Рожденье сына — божий дар,
и стон раскаянья напрасен.
На дне глубокого пруда
горит звезда,
и скорбь небес ее не гасит.

Пускай слеза, как соль проста,
а над судьбою ветер воет.
Мария, ты уже не та,
совсем не та.
Ты не одна — вас двое.

2.

Ты там, где римская волчица
небесных пестует волчат,
где чужды улицы и лица,
где, слову чуждые, молчат
созвездья. В звездной ипостаси
ты — львица. Кончиком хвоста

смахнула все «вернись!», «останься!»
Молчанье — звездная верста,
объемней всех земных реалий
и глубже всех морских глубин!
Как пенный вал, где мы ныряли,
туманность млечная клубит,
и молчаливо принимает
на круто выгнутый хребет
легенды о небесном рае,
которого — ты знаешь! — нет...

3.

Вдоль засохших букетов
стеною стоит тишина,
или вдоль тишины
задыхаются словом букеты.
На могиле поэта мы
выпьем по стопке вина,
бросим горстку зерна для скворцов
на могилу поэта.
И вдоль века пройдем
от начальных камней до песка,
что заплавится временем
в серые мудрые камни.
И, отживший свое,
отлетевший, коснется виска
бледный лист, добавляя созвучье
к мифической гамме
торопливо звучащих шагов,
равнодушных цветов,
и не сказанных слов —
не из тех, что звучали в избытке.
По песчинке, по стеблю,
по зернышку или по нитке
собираем теперь урожай
сожженных листов.

Музыка шторма

1.

Набежала волна, вторая, третья
хлестнула по лодке мокрой плетью,
скрипнул песок
и весла в уключинах.
Слышишь?
Музыка шторма включена!

2.

Все еще впереди —
пока только шепот ночи!
Тише, беду не буди...
Ветер вздымает ключья
пены, взметает пыль
тысячеструйных фонтанов.
Зря ты, моряк, пил —
черти теперь не отстанут!
Не удержать паруса —
рвутся канаты и вены.
Слышишь, поют голоса —
это морские сирены.

3.

Морячок, морячок —
грудь в полосочку!
От-сту-чал каб-лу-чок
че-че-точ-ку...
Море бросилось в пляс,
склянки бьют каждый час —
с полуночи до полдня.
Буря — старая сводня!

4.

Катятся тучи и небо клонится,
прижимая волну к волне.
У кого была такая любовница —
и желанней, и холодней?
У которой из бабьего племени,
теплокровной и нежной братии,
поцелуи страшнее пламени,
крепче зимнего льда обятия?

Морячок, морячок —
грудь в полосочку!
От-сту-чал ка-блу-чок
че-че-точ-ку...

5.

...Снова преданно лижет волна песок,
как нашкодивший пес хозяйский сапог.
Снова звезды на месте и небо.
Словно не было,
не было,
не бы....

* * *

Я не люблю полутона —
предательство размытых граней.
Когда за плоскостью окна
весь мир теряется в тумане,
когда земля и небо — врозь,
но все же, кажется, едины.
Когда не в крике сорвалось,
прошелестело: «Сгину, сгину...»
Рукой неспешно, чуть дыша,
отдерну тканевую завесь.
И в теле съежится душа,
как в почке лиственная завязь.

* * *

Время песен ушло. Хоронили гитару.
По кругу
пропускали то чарку,
то липкую дольку лимона.
Хоронили не пару дощечек,
а верного друга,
и, как глухонемые, —
на пальцах руки
похоронный
марш играли,
другой же — считали монеты,
собирая их
по давно опустевшим карманам.
И, сметая с лица паутину
хмельного тумана,
кто-то всхлипнул в ладонь:
— Нету музыки... слышите? — Нету!

* * *

Им нынче все равно...
Ну, что ж, браните мертвых.
Остывшие давно,
небрежно лбы отерты.

В задумчивых лесах,
где так светло и ясно,
кукушки голосят,
но только все напрасно.

Собачий лай сквозь ночь
напрасно носит ветер.
Им некому помочь.
И мы одни на свете.

Созвездие Льва

Сентябрь. Осенний лес заметно поредел.
В симфонии лесной не слышно многих нот.
Ущербная луна.... Таков ес удел:
кто прячется во мрак — наполовину мертв.
За осенью — зима. За ней придет апрель.
Но где взять столько сил
и столько львиных жил.
Растущая луна качает колыбель...
Прошедший через тьму —
наполовину жив.

Заоблачные жители

Друзья мои,
ваятели, воители,
легко ли вам, заоблачные жители,
крылатыми

средь ангелов сиятельных?

Друзья мои,
воителя, ваятели,
на ангелов такие непохожие,
легко ли —

в райский сад, в район
ухоженный,
где некому и нечему противиться.

Строптивые

ревнивцы и ревнивицы,
уже без лат, с поломанными шлагами,
скользите ли

по саду тихим шагом и
читаете стихи
глухим архангелам,
не впрок себе и вопреки всем правилам?

А может быть,
ведь судьбы переменчивы,
поскольку петь и некому, и нечего —
в стерильном мире

даже слезы пресные, —
там стали вы садовники небесные.

Я
сотканная
из волокон и жил
из сотни кровей
сотни противоречий
я
в ком
нарождался и жил
многоречивый язык
человечий
я
кому Бог
дал возможность
сказать
всё
застываю
над словом в
отчаянии
и
говорю
опуская глаза
Господи
дай научиться
молчанию

Мой сад

летящий

Четыре времени сада

1.

За ночь посадила сад —
убедись воочию.
Никогда ты не был рад
так, как этой ночью.

От нежданной, от меня —
дар взамен пропажи.
Все разлуки отменяй,
сад — для встреч посажен.

От незримой, от меня —
тихие упреки.
Что ж ты сад мой променял
на другой — под боком?

От постылой, от меня
горькие посулы.
Яблочки на яблоне —
горечь сводит скулы.

2.

Мой сад истаял, день восстал
над белой глиной
снегов. И встал на пьедестал.

А сад мой клином
летел на север, на восток,
на юг, на запад,
и помнил каждый свой листок,
и каждый запах.

Мой сад летящий — колыбель
добра и света,

клубящий облаком апрель,
преддверье лета.
Мой сад, парящий в небесах
всем птичьим звоном!
К тебе, в тебя — на полчаса —
дышать озоном,
воспоминанием, стихом,
и каждой клеткой,
по-птичьи прыгать щегольком
от ветки к ветке.

Мой сад осенний, листопад —
приют скитальца.
Костры, что жертвенно горят.
И может статься,
мы разобьемся — упадем
хрустальной пылью
к порогу дома. Прорастем
быльем и былью.

3.

А ты пройдешь краем
вдоль моего сада,
от твоего рая
до моего ада.

Займется ночь стоном,
взметнется ветр лихо,
и сад в снегах тонет,
а сын мой спит тихо.

В твоем дому сыты
птенцы по край брюха,
а у меня сбиты
от стирки в кровь руки.

Ты не хотел третьим,
тебе милей — с краю,
как чужака встретит
тебя мой нес лаем.

Ты в дверь войдешь боком,
согнув виной плечи —
ступай, ступай, с Богом.
Нам без тебя легче.

И ты пойдешь краем,
тропою вдоль сада —
от моего рая,
до твоего ада...

4.

Пройду по саду и узнаю
то дерево, что нынче с краю,
а раньше — в центре рая было.

И я любила
ранет, помеченный запретом,
срывать, не думая при этом,
что я уже грешу познаньем.

Мое изгнание...

Я отреклась от райских песен,
мне сад стал нестерпимо тесен...
Нагие, дети — рядом были,
но не любили...

Пройду по саду, обгорелый
шиповник, раньше бывший белым,
сухие руки тянет в небо.

И мне бы
не было так грустно,
когда б, избрав иное русло,
катила волны
речка Лета
в другое лето.

* * *

Согреет теплым боком самовар
холодное октябрьское утро.

Не будет неуклюжих ссор и свар,
мы сядем рядом, постигая мудрость
молчания, являя тишину,
как данность,

нам не данную от Бога.

Последний лист прилепится к окну
в едином — и прекрасном, и убогом —
желании продлиться через век,
хотя бы тенью продержаться сутки.

А за окном нелепый человек
заполоняет мира промежутки
и тщится переполнить мир собой.

Вот — самовар с коленчатой трубой,
вот — старый дом над озером, и тиши.
Где, обретая крылья, ты летишь.

* * *

В нашем семействе дети и кошки —
сосредоточье возни и тепла,
птицы, с ладони клюющие крошки,
не замечая преграды стекла.

Бледная роза под люминесцентной
лампой, давно отслужившей свой срок,
флейта, гитара с потрепанной лентой,
синяя ель из синтетики — впрок...

Осень наступила, и мы обсуждали
планы зимовки до новой весны,
старые валенки наспех латали,
даже которые стали тесны.

Терли кастрюли, как мёдные шлемы,
карты чертили по линиям рук.
А между делом решали дилемму:
кто станет — враг, кто останется друг?

Эта зима будет, видимо, длинной.
Может, длиннее, чем несколько лет.
Мы заготовим осенние вина,
чтобы отметить наличие побед.

Не учи
свечу светить.

Ей, свече, дано от бога
восковые слезы лить
зренью нашему в подлогу,
сон разорванный
ламать,
согревать незримой печью.

Богу - богою отдать,
человеку - человечье.

Не учи свечу гореть,
горевать достанет света.

Вот и ты - сгорел на третью,
а кого согрел, не ведаю...

*Стихи
к Марине*

1.

Москва не верила слезам
и не велела плакать.
Она, взглянув на образа,
шагнула слепо в слякоть —
в пустынnyй двор, в холодный дом,
в елабужскую осень.
И сетовала лишь о том,
что Бог забыл и бросил.
Ни брата рядом, ни сестры,
ни друга, ни подруги.
Глаза — потухшие костры,
крестом на плечи — руки.
Душа и тело вечно врозь —
не просто быть отважной.
Кусок веревки, крепкий гвоздь,
на стол — клочок бумажный...
И не нашлось последних слов —
рот запечатан стоном...

...Бездомной жить - куда ни шло,
но умереть бездомной...

2.

Эмиграция — не отметка в паспорте,
пустота, где слова глухи!
Вы на кухне в кастрюльке неслышно варите
то ли кашу, то ли стихи.
В старом платье, которое — то ли ряса,
то ли черная роба раба,
над тетрадкой — с долей своей не согласна,
не затем, что она — судьба,
а затем, что на этом огне мятежном —
пересоленный горем стих.
И затем, что ни здесь и ни там, а где же Вам
отыскать тот мир — для двоих?

Шестеро за столом

«Никто: не брат, не сын, не муж,
не друг — и все же укоряю:
— ты, стол накрывший на шесть душ,
меня не посадивший с краю».

M. Цветаева

1.

Они пришли — стихи тому порукой:
и тот, кто мог бы сыну стать отцом;
и та, что быть могла твоей подругой,
и тот — с надменно вскинутым лицом.

Вошел, тебя не посадивший с краю,
и тот, рожденный в год твоих утрат.
И никого из них не укоряя,
любимому, любому стол мой рад.

И ты, сестра, узнавшая всех прежде,
как, разрушаясь, сходятся миры,
прими любимых —
праведных и грешных.
Ведь нынче стол накрыт на семерых.

«Мы были людьми. Мы эпохи».

B. Пастернак

2.

«Сыну быть Егорием,
не Борисом быть!»
С вечностью помолвленным
Не дано любить.

Как, скажи, принять ее?
Жалит, жжет, гнетет.
В сотни верст — объятия:
смерч! водоворот!

Вечность... Это слишком и
на короткий миг.
Обменялись слитками,
самородками.

*«Чудится мне на воздушных путях
двух голосов перекличка».*

A. Ахматова

3.

От Москвы до Питера и ныне
расстояние длиною в жизнь.
Двум вершинам — Анне и Марине,
двум столицам — ближе не сойтись.

Не аршином вымерено — силой,
расстояние — не превозмочь.
Об руку — две разные России,
день и ночь.

Но разлуке сколько бы ни длилось,
вслед рукам протянутым летят:
из тумана — голос чаровницы
невской, от кремлевских стен — набат.

«Часто пишется — казнь,
а читается правильно — песнь»

O. Мандельштам

4.

Так платят не по счетам —
по великому счету:
житейская нищета,
донос по расчету.

Многим путь пересек,
летал выше многих.

Целился век в висок —
бросил Сибирь под ноги,

и закружил-завертел.

Дело сибирской «артели» —
всех человеческих тел
боль в одном теле.

...Смертно ждала вдова,
годы пустели.

Несколько слов едва
к ней долетели.

Возлюбленным не был, но другом —
на несколько лет.
Восторженным взбалмошным другом,
делителем бед
на радость и... радость, на страх и усмешку,
на язвы острот.
И все торопливо, и все вперемешку —
и Крым, и острог.

*«Для чего я лучшие годы
продал за чужие слова?»*

Арс. Тарковский

5.

В долгом ящике стола,
во дупле того ствола,
как листва, светлы, тихи,
ждали времени стихи.

На виду лежали строки
про отары и отроги,
Каракумы и Азов...
Тысячи ненужных слов.

Переводы, переводы,
как следы верблюжьи — годы.
Глядь, пустынные пески
припороли виски.

А душа, не соловьиной
участью дыша — совиной —
просыпалась ночью млечной
русской речью.

*«Кто грядет — никому не понятно,
мы не знаем примет, и сердца
могут вдруг не признать пришлеца»*

И. Бродский

6.

Зимний день, венецианский, сонный,
марту ленинградскому — двойник.
Самый младший, и примкнувший к сонму
позже всех — наследник? ученик? —

он отмечен долгим ожиданьем
равного, сомнениями — тот?
Между венецийских серых зданий
тень его недавняя бредет.

Но едва раскрыл объятья — понят,
принят в круг поруки круговой!
...Колокольный звон плывет и тонет
в небе над печальною Невой.

7.

Других было много —
глаза опускавших долу,
уста замыкавших —
у страха собачья доля.
Незамечаемой тенью
вернулась в Россию.
«Шкура дороже телу».
Прости их...

8.

Все за одним столом,
как должно — вместе,
не всколыхнёт свечи движенье губ.
Глубокое молчанье — выше лести
и громче медных величальных труб,
не отольется мертвыми словами,
но отзовется воздухом живым,
пока вы с нами,
и пока мы — с вами
на языке Поэтов говорим.

Автор
сердечно благодарит
за помощь в издании книги
коллектив
ООО «Издательского дома-Сервис»
и лично
генерального директора
Издательского дома «Череповецъ»
Илону Спасову

Татьяна Жмайло

АЗБУКА ДОЖДЯ

Лирика

Компьютерная верстка, оригинал-макет,
илюстрации и фотография —
Т. Э. Тайганова

Череповец, 2004

Отпечатано в
ООО “Издательский дом “Череповець”,
г. Череповец, ул. Металлургов, 14а.
Заказ. 23280, тираж 200.

